

німецькій мові / Г.В. Зимовець // Науковий вісник Волинського нац. ун-ту. Філологічні науки. Мовознавство. – № 8. – 2010. – С. 172 – 177; **6.** Кутуза Н.В. Структурно-семантичні моделі ергонімів (на матеріалі ергономікону м. Одеси) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Н.В. Кутуза. – Одеса, 2003. – 18 с.; **7.** Лесовець Н.М. Ергонімія м. Луганська: структурно-семантичний і соціально-функціональний аспекти : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Н.М. Лесовець. – Луганськ, 2007. – 19 с.; **8.** Петрашик Ю.М. Ергонімія Тернопільщини кінця ХХ – початку ХХІ ст. : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Ю.М. Петрашик. – Чернівці, 2013. – 20 с.; **9.** Сайт компанії Vinci Travel [Електронний ресурс]. – Доступно з : [<http://lato.vincitravel.pl/o-firmie/> 06.08.2013]; **10.** Сидоренко О.М. Номінаційні процеси в полілінгвальній ергонімії Донеччини : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.02.15 «Загальне мовознавство» / О.М. Сидоренко. – Донецьк, 2013. – 20 с.; **11.** Цілина М.М. Ергонімія м. Києва: структура, семантика, функціонування : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : 10.02.01 «Українська мова» / М.М. Цілина. – Київ, 2006. – 23 с.; **12.** Шестакова С.О. Лексико-семантичні інновації в системі української номінації (на матеріалі ергонімів і прагмонімів) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С.О. Шестакова. – Харків, 2002. – 20 с.

Курилова А.Д. (Астрахань, Росія)

Российские рукописные риторики XVIII века на латинском языке о композиции ораторского выступления

У статті розглянуті принципи композиції ораторської мови, представлені в рукописних російських риторичних посібниках XVIII століття на латинській мові. Поставлено питання про своєрідність методичної адаптації риторичного канону в рукописних риториках.

Ключові слова: риторика, рукопис, риторичне канон, розташування, композиція, вступ, теза, розповідь, доказ, спростування, висновок.

В статье рассмотрены принципы композиции ораторской речи, представленные в рукописных российских риторических руководствах XVIII века на латинском языке. Поставлен вопрос о своеобразии методической адаптации риторического канона в рукописных риториках.

Ключевые слова: риторика, рукопись, риторический канон, расположение, композиция, вступление, тезис, повествование, доказательство, опровержение, заключение.

The article shows how some principles of composition of oratorical speech are presented in manuscript Latin rhetorical books, composed in Russia in 18th century. The question about originality of methodical adaptation of the rhetorical canon in manuscript

rhetorical books is raised.

Key words: *rhetoric, manuscript, rhetorical canon, disposition, composition, exordium, proposition, narration, confirmation, confutation, conclusion.*

Преподавание риторики в российских учебных заведениях в XVIII веке велось на латинском языке, что соответствовало многовековым традициям европейского образования. Рукописные латинские руководства, которые составлялись каждым преподавателем риторики для использования в образовательном процессе, представляют собой практически не исследованный пласт текстов, изучение которых может способствовать уточнению представления о развитии риторики в России. Как отмечает В.И. Аннушкин, о российских латинских риториках XVIII века «пока приходится сказать только как о собранном источниковедческом материале, считая их изучение делом будущего» [1, 6].

Анализ различных рукописных риторик позволяет предположить, что наибольшее влияние на их создателей оказали каноническая риторика Феофана Прокоповича, списки которой, как указывает С.А. Кибальник, хранились во многих российских городах [2, 388], и польская барочная риторика. Многочисленные последователи Феофана Прокоповича создавали во многом компилятивные руководства, выписывая из труда своего предшественника обширные фрагменты и добавляя собственные методические замечания и примеры. К таким риторикам следует отнести, в частности, руководства из Нижнего Новгорода [9], Рязани [7], Вологды [3], Коломны [6]. Некоторые риторы, например, Мануил Базилевич из Смоленской коллегии [4], а также автор курса, прочитанного в Московской Славяно-греко-латинской академии в 1744-1745 гг. [5], опирались как на риторику Прокоповича, так и на фундаментальный трактат «*De eloquentia sacra et humana*» французского иезуита XVII века Н. Коссена, а также на польскую риторическую традицию.

Цель данной статьи – рассмотреть своеобразие методической адаптации классического риторического канона в российских латиноязычных рукописных руководствах XVIII века на примере одной из важнейших частей риторической теории, трактующей композиционную организацию ораторского выступления.

Композиция речи изучалась в разделе, посвящённом расположению, которое наряду с изобретением, словесным выражением, запоминанием и произнесением составляло риторический канон. Составитель риторического руководства 1766 г. из Нижегородской семинарии объясняет роль расположения в риторике с помощью параллелизма, сопоставляя

задачи оратора и строителя: «*quomodo opera exstruentibus satis non est saxa atque materiam et cetera aedificanti utilia congerere, nisi disponendis iis collocandisque artificum manus adhibeatur, sic in dicendo quamlibet abundans rerum copia, cumulum tantum habet atque congestum, nisi illas easdem dispositio in ordinem digestas, atque inter se commissas devinixerit, ut sine ea nihil valeat, inventio*» («так же, как недостаточно строителям собрать камни, материал и прочее полезное для строительства, если не приложить руки мастеров к их расположению и размещению, так и в речи какое угодно изобилие материала будет только нагромождением и скоплением, если расположение не разместит их по порядку и не свяжет между собой, и без него ничего не будет значить изобретение» [9, 40 (об)]. Неупорядоченная речь сравнивается с путником, блуждающим во тьме: «*velut nocte in ignotis locis errans: nec initio, nec fine proposito, casum potius, quam consilium sequatur*» («словно блуждая ночью в незнакомых местах; без определённого начала и конца, скорее будет следовать случаю, чем замыслу») [9, 40 (об)].

Рассматривая части, на которые делится ораторская речь, нижегородский ритор отталкивается от античной классификации, согласно которой речь должна была включать следующие части: вступление (*exordium*), повествование (*narratio*), положение или тезис (*propositio*), доказательство (*confirmatio*), опровержение (*confutatio*), заключение (*peroratio sive conclusio*) [9, 41 (об)]. В новое время (*moderno usu*), считает ритор, стали выделять только четыре части: вступление, тезис, трактовка (*tractatio*) и заключение [9, 41 (об)]. Трактовка может включать в себя и повествование, и доказательство, и опровержение, в зависимости от конкретной ситуации.

Вступление в нижегородском руководстве определяется следующим образом: «*Exordium est praeparatio auditoris ad rem dicendam, finis ejusdem est docilitas, attentio ac benevolentia auditorium*» («Вступление есть подготовка слушателя к произносимому, и цель его – понимание, внимание и благосклонность слушателей») [9, 42]. Советы начинающим риторам включают рекомендацию составлять вступление (как и заключение) в последнюю очередь: «*Postremo intuendum quemadmodum auditor sit conciliandus, hoc est de exordio et conclusione despicendum*» («В последнюю очередь следует задуматься, как склонить к себе слушателя, то есть, подумать о вступлении и заключении») [9, 41 (об)]. Это предписание согласуется с правилом, приведённым в риторике Феофана Прокоповича: «*Exordia postremo sunt, non primo loco invenienda, et pertenta iam atque perspecta tota causa, quia alias frustra labor omnis instituitur*» («Вступления следует составлять в последнюю, а не в первую, очередь, держа в памяти и

охватывая взглядом всю речь, иначе весь труд напрасен» [8, 145].

Добродетелями оратора во вступлении, согласно нижегородскому ритору, являются умеренность (*modestia*) и сдержанность (*verecundia*), а к достоинствам самого вступления отнесены краткость (*brevitas*), ясность (*perspicuitas*), достоверность (*probabilitas*) [9, 43].

Положение, или тезис, в нижегородской риторике определяется как «*summa orationis breviter et perspicue tradita*» («кратко и ясно выраженная суть речи») [9, 43]. Тезис может быть эксплицитным (*explicita*) или имплицитным (*implicita*), простым (*simplex*) или сложным (*composita*).

Трактовка нижегородским ритором понимается прежде всего как аргументация тезиса. В применении аргументов ритор советует придерживаться принципа «золотой середины». Слабые аргументы, по его мнению, усиливаются благодаря многочисленности: «*Singula leviora sunt et communia: universa autem nocent, si non ut fulmine, tamen ut grandine adversus ea, quae nostrae orationi contrariari videntur*» («По отдельности они лёгкие и общеизвестные; вместе же они наносят вред возражениям против нашей речи если не молнией, так градом») [9, 45]. С другой стороны, оратор не советует обременять слушателей слишком большим количеством аргументов, ведь тогда они «*et taedium adferunt, et fidem detrahunt*» («и навеют скуку, и подорвут доверие») [9, 45].

Заключение определяется в нижегородской риторике как «*consumatio orationis, vel repetitione thematis vel consecratio vel voto constans*» («окончание речи, состоящее из повторения темы, выводов или пожеланий») [9, 45 (об)]. Главными задачами заключения ритор признаёт перечисление сказанного и возбуждение аффектов.

В смоленской риторике М. Базилевича выделены шесть классических частей ораторской речи, но их описание отличается большей обстоятельностью. Автор руководства различает правильные и неправильные, или внезапные, вступления (*ex abrupto*), когда слушателям приходится приступать к восприятию речи без подготовки, на примерах из речей Цицерона анализирует разные способы составления вступлений. К основным источникам вступлений ритор относит внутренние топоры и аффекты. Понимая под главной задачей вступления завоевание душ слушателей, важнейшими качествами этой части Базилевич считает точность и меткость, а пороками – неясность и грубость [4, 94].

Напоминая слова Квинтилиана о том, что тезис – начало доказательства, Базилевич требует, с одной стороны, его краткой и чёткой формулировки, а с другой стороны – повторения в разной словесной форме [4, 94 (об)].

В смоленской риторике последовательно рассматриваются такие части

ораторського виступлення, як повествование, доказательство и опровержение. Повествование, согласно Аристотелю, уместно только в судебных речах. Базилевич приводит это свидетельство, но осторожно оспаривает его: «*videtur non recte docere... sed tamen sustinenda est sapientissimi viri opinio, itaque interpretor Aristotelem*» («кажется, Аристотель неправ... однако следует поддержать мнение мудрейшего мужа, поэтому я так интерпретирую Аристотеля...») [4, 95 (об)]. Ритор утверждает, что, кроме судебных речей, в которых, бесспорно, повествование необходимо, оно уместно также в эпидейктическом красноречии, «ведь, когда кого-нибудь хвалят, необходимо продолжительное повествование о похвальных вещах, а без этого похвала будет холодной» [4, 95 (об)].

Доказательство, по М. Базилевичу, – «*pectus et robur orationis*» («сердце и ядро речи») [4, 96]. Оно содержит аргументы, подкрепляющие и подтверждающие тезис, а также амплификацию (распространение) речи. Ритор советует использовать принцип нарастания в построении этой части выступления: «*Providendum est, ut crescat oratio, quod fiet, si verbis minus efficacibus efficaciora succedant, ut vincere, verberare, necare, in crucem tollere, vel si affectus circa finem sit major, quam a principio, vel si extrema oratio argumentum solidius et amplificationem illustriorem efferat*» («Следует позаботиться о нарастании речи, что происходит, когда за менее действенными словами следуют более действенные, например, надеть оковы, бичевать, казнить, распять на кресте; либо когда аффекты в конце более сильные, чем в начале, либо когда в конце речи приводится более веский аргумент или более яркая амплификация») [4, 96]. Также приводится рекомендация разнообразить аргументацию с помощью фигур и разных видов аргументов. Важные предметы М. Базилевич советует трактовать с помощью амплификации.

Аргументативная часть ораторского выступления продолжается и в опровержении действительных или вероятных аргументов противника. Эта часть речи, по мнению М. Базилевича, «*est plena caloris et saepe furoris*» («полна горячности и часто ярости»), поэтому в ней уместны «*figurae et affectus graviore, ut ironia, interrogationes, execrationes*» («более сильные фигуры и аффекты, такие, как ирония, вопросы, клятвы») [4, 97].

В главе, посвящённой заключению, особенно ярко выражена зависимость от текста риторики Феофана Прокоповича. Текст главы представляет собой пересказ соответствующего раздела риторики Прокоповича, в котором можно обнаружить многочисленные буквальные совпадения, начиная с самого определения заключения – «*artifitiosus orationis exitus*» («искусное завершение речи») [4, 98 (об); 8, 197].

Обстоятельностью и детальностью отличается трактовка расположения ораторской речи в московском руководстве 1744-1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии. Рассмотрев двадцать два способа составления вступления, ритор выделяет три главных достоинства и недостатка этой части. К достоинствам отнесены краткость (*brevitas*), «*ne oratio monstrosa fuit cum capite aequali sibi toti vel majori*» («чтобы речь не была чудовищной, с головой, равной всему остальному или даже большей по размеру») [5, 89 (об)], соответствие содержанию речи (*aptitudo ad materiam dicendam*), отделка (*cultura*), которая заключается в остротах, сентенциях и метких словах. Три порока вступления представляют собой качества, противоположные достоинствам, указывая на то, каким вступление быть не должно: «*ne sit prolixum, hoc enim fastidium saepe parit; ne sit ineptum, hoc est ne sit commune omni dicendi generi aut etiam contrariae parti et inconveniens ad materiam, quam dicis, ne sit absque omni ornatu et cultura orationis*» («оно не должно быть пространым, ведь это часто рождает скуку; оно не должно быть неуместным, то есть подходящим к любому виду речи, даже выражающему противоположную позицию, и не соответствующим содержанию речи; оно не должно быть лишено украшений и отделки») [5, 89 (об)].

Тезис (*propositio*) определён как «*sensus aliquis perfectus cuius veritatem vel falsitatem probare intendit orator*» («некая законченная мысль, истинность или ложность которой стремится доказать оратор») [5, 89 (об)]. Ритор обращает внимание на то, что в панегириках тезис часто бывает скрыт.

Повествование, как и в риторике М. Базилевича, трактуется в соотнесении с постулатом Аристотеля. Московский ритор полностью согласен с тем, что повествование не встречается в совещательном красноречии, имеющем отношение к будущему, а не к прошлому, и по этой же причине находит применение в судебных речах. В эпидейктическом красноречии, по его мнению, можно не выделять повествование в особую часть, так как доказательство здесь почти полностью совпадает с повествованием. К достоинствам повествования отнесены достоверность (*probabilitas*), краткость (*brevitas*), ясность (*claritas*), приятность (*suavitas*). Восемь недостатков повествования приведены со ссылкой на Николя Коссена – пространность (*prolixitas*), частые и длинные отступления (*parentheses longae et crebrae*), двусмысленность слов и фраз (*ambiguitas verborum et sententiarum*), чрезмерное смешение лиц и предметов (*nimia personarum rerumque confusio*), неправдоподобие (*incredibilitas*), сниженные, непонятные и неуместные выражения (*dictio humilis, obscura et impropria*), рассеянность, лишённая украшений, единства и связующих частиц (*dissolutio sine ullo decore, nexu et articulis*), частое повторение одного слова

(*crebra ejusdem dictionis repetitio*) [5, 91 (об)].

Доказательство и опровержение московский ритор объединяет в одну часть ораторского выступления. Здесь приведены многочисленные способы построения аргументации в разных видах речей. В основе опровержения, по мнению ритора, может лежать презрение к доводам противника, негодование, компенсация, которая понимается как приведение равного по значимости довода, отклонение от темы, отрицание, искажение аргументов противника, интерпретация, объяснение, ироническое осмеяние.

Заключение трактуется в данном руководстве как «*propositionis ex omnibus argumentis illatio*» («выведение тезиса из всех аргументов») [5, 95]. Над этой частью речи ритор советует работать не менее усердно, чем над остальными: «*non debet esse longa, debet tamen esse elaborata, verborum elegantia, figurarum varietate instructa, sententiis ponderosa*» («заключение не должно быть длинным, но должно быть разработанным, оснащённым изществом слов и разнообразием фигур, веским в суждениях») [5, 95].

В рассмотренных в статье российских рукописных риториках XVIII века обнаруживается единое понимание композиционной схемы ораторской речи, обусловленное общими теоретическими источниками. Однако заметно и своеобразие трактовки построения речи в каждом из руководств. Так, для нижегородского ритора основными достоинствами речи являются ясность, краткость, простота. Склонность к методически оправданному упрощению характерна и для других разделов этой лаконичной риторики. Риторика из Смоленской коллегии и Славяно-греко-латинской академии отличаются обстоятельностью и детальностью, в них большее внимание уделено эмоциональности и тщательной риторической отделке речи.

Перспектива исследования рукописных риторических руководств на латинском языке связана с введением в научный оборот ранее не исследованных текстов и материалов, что позволит расширить представление о процессе формирования российской риторической науки, полнее представить место латинского языка в образовательном процессе в России XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Аннушкин В.И.* Русская риторика: исторический аспект. – М.: Высшая школа, 2003. – 397 с.;
2. *Кибальник С.А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // *Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки.* – СПб.: Петрополис, 2012. – С. 375-389;
3. *Наставления по риторике на примерах из латинских авторов...* Вологодская семинария. – 1764. – РГБ. Великоустюжское собрание. – Ф. 122, № 14;

4. *Basilevicz M. Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. – 1756. – РГБ. – Ф. 733 (Смолен.), № 21. – 154 л.; 5. *Emporium totius facultatis rhetoricae...* Московская Славяно-греко-латинская академия. – 1744-1745. – РГБ. – Ф. 173.1. – № 356. – 178 л.; 6. *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. – 1761. – РГБ. – Ф. 173.1, № 357. – Л. 85-193; 7. *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. – 1759. – РГБ. – Ф. 194 (К.И. Невоструева, № 43. – 249 л.; 8. *Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen.* – Köln; Wien, 1982; 10. *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. – 1766. – РГБ. – Ф. 312, № 78. – 95 л.

Любецька К.П. (Мінськ, Республіка Білорусь)

Да характарыстыкі выпрацоўкі беларускай навуковай тэрміналогіі ў 1990-ыя гады ХХ ст.

У статті здійснена спроба характеристики особливостей впорядкування білоруської термінології в кінці ХХ ст. Розглянуто основні підходи до формування термінології, відображені в профільній літературі, охарактеризовано екстралінгвістичні причини, які викликали т.зв. “термінологічний вибух”, визначено корпус спеціальної літератури, присвяченої аналізу терміносфер.

Ключові слова: спеціальна лексика, термін, термінологія, термінографія, екстралінгвістичні причини, мовна ситуація.

В статье осуществлена попытка характеристики особенностей упорядочения белорусской терминологии в конце ХХ в. Рассмотрены основные подходы к формированию терминологии, отраженные в профильной литературе, охарактеризованы экстралингвистические причины, которые вызвали т.н. “терминологический взрыв”, определен корпус специальной литературы, посвященной анализу терминосфер.

Ключевые слова: специальная лексика, термин, терминология, терминография, экстралингвистические причины, языковая ситуация.

In article attempt of the characteristic of features of streamlining of the Belarusian terminology at the end of the XX century is carried out. The main approaches to the terminology formation, reflected in profile literature are considered, the extralinguistic reasons which caused so-called “terminological explosion” are characterized, the case of the special literature devoted to the analysis a terminosfer is defined.

Key words: special lexicon, term, terminology, terminografiya, extralinguistic reasons, language situation.